

НАСЛЕДНИК ДЛЯ СУРОВОГО

1

— Ты только посмотри, какой мужик!

Даша тронула меня за рукав, привлекая внимание. Я едва слушала болтовню старшей двоюродной сестры. Мои мысли витали далеко. С самого утра и до позднего вечера меня подташнивало, и даже любимый салат «Цезарь» не шел в горло.

— Длинные ноги, разворот плеч... Боже, какая у него брутальная щетина. А глаза... Настя, ты просто обязана посмотреть на него! Хватит витать в облаках! Пора устраивать личную жизнь...

Сестра подстрекала меня посмотреть на какого-то красавца, но я не хотела ни с кем знакомиться. По правде говоря, я жутко трусила. Сейчас я была не способна мечтать о красивых мужчинах и думать о знакомствах с ними.

Потому что на завтра мне назначена процедура аборта. Медикаментозное прерывание беременности.

Я беременна от мужчины, о котором не знаю совсем ничего. Это страшная тайна, о которой не знает даже Даша. Обычно я доверяла ей абсолютно все, каждую мелочь. Но в таком признаться не смогла. Сохранила все в секрете. Более того, планировала избавиться от постыдной тайны и забыть. Если получится, конечно...

— Такой генофонд пропадает. Мама дорогая, я бы такому мужику и десятерых детишек родила...

Даша продолжала бурно восторгаться. Мне кажется, ей не следовало пить второй бокал вина. Так громко восхищаться незнакомцем было просто неприлично!

— Я бы с таким из постели сутками не вылезала...

Я поморщилась. Похоже, пора уходить. Вечер не задался: я совсем ничего не съела, хотела развеяться и разогнать темные, печальные мысли. Но вышло совсем наоборот. Гнетущее настроение только ухудшилось, мое состояние было не самым прекрасным. Я хотела лечь на кровати, свернуться калачиком и забыть о проблемах.

— Пожалуй, я пойду, Даша. У меня что-то голова разболелась...

— Ой! Он смотрит на наш столик!

Двоюродная сестра крепко вцепилась в мою руку, не желая отпускать. Она потянула меня вниз, сердито шикая:

— Ну сядь, он смотрит... Глаз не отрывает! Точно тебе говорю, он хочет познакомиться!

Свободной рукой Даша поправила локоны и распрямила плечи:

— Может быть, у такого красавчика найдется друг для тебя?!

Сестра уже распределила роли. Значит, красавца она оставила себе, а мне щедро пообещала какого-то мифического друга. Впрочем, мне было все равно.

— Он смотрит на тебя! Хм... Да-да, точно на тебя. Гипнотизирует!

Теперь голос Даши был уже не таким довольным. По моей спине пробежали острые мурашки. Как будто и впрямь кто-то не сводил с меня пристального, горячего взгляда.

— Не может быть. Ты ошиблась.

Мне было неинтересно. Но вопреки своим желаниям я медленно повернулась. Кто-то невиди-

мый дернул меня в правильном направлении. Мой взгляд безошибочно нашел того, кто смотрел на меня все это время. Натолкнувшись на взгляд черных, пугающих глаз, я вздрогнула от страха, мгновенно сковавшего мое тело.

Эти глаза. Этот рот. Эти острые, губительные скулы, о которые можно порезаться. Темные волосы. Жесткие на ощупь. Я знала все это. Внутри задрожали невидимые струны от вибрации его низкого, хриплого голоса:

«А ты красивая... Выглядишь незатасканной...»

Наверное, в устах такого, как он, это был комплимент высшей пробы. Воздуха вокруг стало ничтожно мало. Горло словно сдавило невидимыми, но крепкими пальцами, перекрывая доступ к кислороду. Я начала задыхаться, и просторное помещение недорогого, но любимого кафе резко сжалось. Светло-серые стены внезапно надвинулись со всех сторон, сдавливая в тисках.

Надо бежать — отчаянно сигнализировал мой мозг. Но тело отказывалось повиноваться. Каждая его клеточка замерла в ожидании надвигающейся беды. Я не могла пошевелить и кончиком пальца. Я смотрела в темные, пугающие глубиной глаза незнакомца и проваливалась в прошлое. В ту самую, злосчастную ночь, когда я лишилась девственности с этим мужчиной.

Он медленно улыбнулся, словно понял, какие неприличные мысли пришли мне в голову. Щеки начали гореть — верный признак того, что сейчас мое лицо полыхало, став одного цвета с красным лаком на пальцах Даши.

— Насть, ты что, знаешь его?! — недоверчиво поинтересовалась сестра.

Она не могла поверить, что я заинтересую такого мужчину — взрослого, серьезного, с хищными повадками и очень состоятельного. Его костюм

был из самых дорогих. Я не эксперт в моде, но вещи из мира люкса чувствуешь сразу. На мужчине был надет прекрасно скроенный по его фигуре костюм. Возможно, даже сшитый на заказ, потому что пиджак безукоризненно обтягивал широченные плечи незнакомца.

Он поднялся, лениво отряхнул брюки и... двинулся в мою сторону.

Нет. Только не ко мне. Пожалуйста... Только не это!

2

Я горела от стыда, а внутри все сжималось от страха перед неизвестностью и... перед этим пугающим, но вместе с тем привлекательным мужчиной. От него исходила волна опасности, которую моя душа чувствовала очень хорошо. Ни дорогой костюм, ни роскошные аксессуары в виде массивного перстня, золотых запонок или дорогих швейцарских часов не могли сгладить острые углы его характера и хищность натуры.

С каждым его шагом расстояние между нами сокращалось, а сердце билось все быстрее и быстрее, грозя выпрыгнуть из груди. Кажется, Даша что-то говорила мне. Просила познакомить или нечто похожее. Я не понимала ни слова из того, о чем она шептала мне. Я видела только *его* и тонула во мраке опасного, холодного взгляда. Он проникал мне под кожу и парализовал волю.

Незнакомец встал против света, и его массивная фигура отбросила на меня огромную, пугающую тень.

— Привет. Давно не виделись, — произнес хрипло.

Он смотрел только на меня. Вне всяких сомнений его интересовала моя скромная персона. Я знала, по какому вопросу он подошел ко мне и отчаян-

но боялась, что он бросит нагло, с вызовом что-то вроде: «Давай-ка повторим ту жаркую ночку!»

К несчастью, я помнила все, хоть и была под действием каких-то одурманивающих веществ. Мне было отчаянно стыдно за то, что я поддавалась ему и жарко отдалась. Хоть и боялась. Но все же...

Я сбежала. Да, я сбежала раньше, чем он проснулся. Я надеялась, что больше никогда не увижу его. Но сейчас он стоял прямо напротив меня и оценивал меня раздевающим взглядом. Причем он раздевал не одежду, но снимал все мои барьеры, вспарывал самую суть и обнажал душу. Слой за слоем. Мне было дискомфортно под тяжелым прессом такого испытывающего, наглого взгляда.

Мужчина старше меня. Может быть, почти вдвое. Но его глаза такие глубокие и опасные, словно он прожил на десяток жизней больше, чем я, и каждая оставила в нем свой глубокий отпечаток. В нем был надрыв и глубина.

Я никогда не интересовалась мужчинами старше себя. Я мечтала о большой и светлой любви. Но лишилась девственности с этим пугающим брюнетом, в волосах которого проглядывали светлые, серебряные нити.

Мороз пробежал по коже, а во рту разлился странный жар, как в самом сердце песчаной пустыни. Я облизнула губы кончиком языка. Это движение было замечено им.

Он странно усмехнулся. Как-то недобро, словно не был доволен. Но чем?! В моем жесте не было ни капли соблазна.

— Можете оставить нас наедине?

Незнакомец обратился к Даше, едва взглянув в ее сторону. Он точно не оценил выгодную позу, которую придала своему телу сестра, чтобы выглядеть привлекательнее. Ему вообще не было дела ни до чего. Кроме меня. Это откровенно пугало.

Что ему нужно?! Повторения? Нет, я ни за что на это не соглашусь! Та ночь была ошибкой... Подстроенной со стороны. Я никому не причинила зла и не могла понять, зачем кому-то понадобилось так подставлять меня.

— Настя — моя младшая сестра. Я обычно одну ее не оставляю, — кокетливо ответила Даша.

Незнакомец оторвал взгляд от меня и сосредоточил его на Даше.

— Свали. Быстро. Или тебе помогут.

Он не повысил голоса. Ни на капельку. Но его тон мгновенно стал ледяным и грозным. Он обрушил силу и власть приказного тона на Дашу. Лицо двоюродной сестры покрылось алеющими пятнами. Она судорожно схватилась за ручку сумочки и встала на полусогнутых ногах.

— За счет не переживай. Оплачу. Двигай!

Незнакомец красноречиво посмотрел в сторону выхода. Даша пискнула два неразборчивых слова на прощание.

С уходом сестры вокруг меня словно вообще не осталось ни клочка свободного пространства. Все затопило ощущением могущества и власти мужчины, перед которым я была как пылинка, уничтожить которую не стоило никаких усилий. Он швырнул на стол пятитысячную купюру, словно это была бумажная салфетка, а не довольно приличная сумма денег.

Рядом засуетился официант, мгновенно почуяв запах щедрых чаевых.

— Сдачи не надо!

Мужчина осадил официанта резкой фразой, и молодой парень счастливо ретировался прочь, не став вмешиваться и путаться под ногами серьезно настроенного посетителя.

— Поднимайся, Настя. Ты едешь со мной.

Я никак не отреагировала на приказ мужчины. Он дотронулся до моего плеча, повторив свои слова, но добавив льда в полутона низкого голоса. Прикосновение его длинных пальцев было недолгим. Он коснулся меня на жалкий миг. Но я мгновенно почувствовала жар его кожи. Даже плотная трикотажная ткань водолазки не спасла от ощущения, словно он прикоснулся ко мне чем-то горячим.

Я вздрогнула всем телом. Реакция была запоздалой, потому что он уже убрал свою руку и как будто даже не собирался больше пугать меня. Однако его следующая фраза разбила в пух и прах мои наивные мысли по его поводу.

— Пошевеливайся.

Его голос терял терпение. Такой мужчина не привык, что его словам перечат, а приказы обдумывают, не торопясь исполнять их в ту же секунду.

— Я никуда с вами не поеду, — парировала я.

— Поедешь. Или тебя «поедут».

За спиной мужчины появился сопровождающий. В том, что он был в компании с первым мужчиной, не было никаких сомнений. Такое же непроницаемое лицо, но сложенное более грубо, из резких, крупноватых линий. Но черный костюм тоже был не из дешевых, а пиджак подозрительно топорщился в том месте, где у правшей обычно находилась кобура.

— Я... Я вас не знаю! — предприняла последнюю попытку.

— Да ну?! — губы мужчины презрительно дернулись. — А по тому, как лихо ты отскакивала на мне, я бы сказал, что мы очень близко знакомы.

— Но я...

— Слушай. У меня нет времени!

Он бросил мне эти слова в лицо, его темные глаза недобро сощурились. Он двинулся в сторону рез-

ко и хищно, оставляя меня один на один со своим спутником.

— В машину, — коротко бросил приказ.

На меня надвинулся подчиненный, явно намереваясь схватить, словно неживой груз. Я протестующе выставила ладони вперед, пискнув:

— Я пойду сама.

— Вперед, — последовал ответ, сказанный голосом, лишенным всяких эмоций.

Я поднялась на трясущихся ногах. Мой взгляд беспомощно скользил по столу. Я тщетно пыталась придумать пути для отступления, но глаза цеплялись только за столовые приборы: вилку с тремя зубчиками, чайную ложку, салфетницу и зубочистки... Смешно, не маслом же для ножа мне обороняться. Выхода не было, на ум не приходило ничего путного.

Я только чувствовала, как теряется терпение у верзилы, приставленного ко мне, пока я пыталась продеть трясущиеся запястья в рукава своей легкой демисезонной куртки светло-серого цвета.

— На выход, Анастасия.

Крепкие, сильные пальцы сомкнулись на моем локте. Так я лишилась последнего шанса убежать и была полностью прикована к мужчине. Наверное, он сделал это, поймав направление взгляда, когда я тоскливо посмотрела в сторону запасного выхода. Убежать не получится. Конечно, с таким конвоем!

Возможно, со стороны все выглядело, как будто мужчина галантно сопровождает девушку, поддерживая и не позволяя ее сапожкам скользить по гладким ступенькам крыльца, покрытым легкой изморозью. Но в реальности я чувствовала себя пленницей. Без права голоса.

Меня вели в сторону парковки. И с каждым шагом мое беспокойство и тревога только возрастали. Потому что массивный, черный лакированный

джип был припаркован в стороне от всех остальных автомобилей.

Я огляделась по сторонам. В смеркающихся сумерках не было видно ни одного случайного прохожего. Да если бы кто-нибудь и встретился? Неужели они отреагировали бы на крик о помощи? Или убежали бы поспешно, втянув голову в плечи?! Откровенно говоря, я бы и сама не бросилась на вырубку, если бы столкнулась с таким пугающим здоровяком. Мужчин подобных габаритов я опасалась и при свете дня, а уж наступающая темнота придавала всему мрачные оттенки и навевала депрессивные мысли.

Мне чудились всякие ужасы. Кто этот мужчина, пожелавший, чтобы я поехала с ним?! Зачем и куда? Вдруг он садист, маньяк или извращенец? Он точно опасен. У обычных людей не бывает таких взглядов — пугающих до дрожи за жалкий миг.

4

Было тихо, и наши шаги звучали особенно драматично и громко. Мои нервы уже не выдерживали напряжения. Споткнувшись обо что-то, я всхлинула. Благодаря крепкому захвату здоровяка мне удалось избежать позорного падения и возможной травмы.

— Осторожнее.

— Спасибо, — пролепетала автоматически.

Прямо перед нами маячил лакированный бок джипа. Здоровяк распахнул заднюю дверь одной рукой. Неизвестно откуда горячей волной нахлынуло облегчение, мол, хорошо, что мне предложили сесть внутрь, а не запихнули в багажник. Ведь именно один из таких пугающих вариантов развития я придумала, пока мы шли к этой машине.

Однако через миг я уже не была рада. Салон автомобиля был кремово-бежевого цвета. Оттуда прямо дышало богатством высокого статуса и дорогим автомобильным парфюмом, но на заднем сиденье вольготно расположившись, сидел... *Тот самый незнакомец.*

Он посмотрел мне в лицо и кивнул приветственно. На спину легла тяжелая ладонь сопровождающего. Он подтолкнул меня вперед, подавая сигнал, чтобы я села в машину.

Но я внезапно для себя заупрямилась. Откуда только силы взялись на сопротивление?!

Упершись каблуками сапожек в потрескавшийся асфальт, я не желала двигаться с места. Я напряглась всем телом, но это не помогло мне. Ни капельки. Потому что через миг верзила просто приподнял меня и посадил на сиденье джипа, словно куклоку. Дверь захлопнулась.

Я замерла под гнетущим взглядом мужчины. Наверное, такие же чувства испытывают кролики перед немигающим, убийственным взглядом удава. Ужас сковывал руки и ноги, а уйти, вырваться из плена не получалось. Оглушительно громко хлопнула дверь.

Верзила занял место за рулем. Он ткнул пальцем на кнопку и заурчал двигатель. Эти посторонние звуки позволили мне отвлечься и вырваться из-под гнета гипнотизирующего взгляда. Решительно выдохнув, я подалась назад, дернув за ручку на двери. Но мгновением раньше щелкнул замок блокировки. Я оказалась в ловушке.

Машина тронулась с места. Я забилась в угол, мечтая слиться воедино с обивкой или просто просочиться наружу сквозь маленькую, самую крохотную щель.

— Теперь поговорим. Без лишних глаз и ушей.

Звук мужского голоса прозвучал решительно. Я постаралась отдалиться от него.

— Поговорим о том, что случилось между нами...

— Вы меня с кем-то путаете.

— Нет, я тебя ни с кем не путаю. Ты та самая девушка, с которой месяц назад я провел жаркую ночь. Припоминаешь?

Он буквально припечатал меня последним словом, прозвучавшим, словно грозный укор.

— Я вас не знаю, — повторила, как заговоренная.

Я могла произнести только это, забыв обо всем остальном.

— Я тебя тоже по имени не знал. Тогда мне было плевать вообще, есть ли у тебя имя.

— Что изменилось?

— Ты беременна.

Я упрямо замотала головой, отрицая правду. Я не понимала, зачем он выследил меня и чего хочет? Я просто желала избавиться от его внимания и как можно скорее. Как хорошо было бы оказаться далеко отсюда, в крохотной квартирке, доставшейся мне от покойной матери. Я знала там каждый уголок и сейчас, очевидно, от сильнейшего страха, начала судорожно воспроизводить в памяти очертания малогабаритной двухкомнатной квартирki, вспоминая все, до мельчайших деталей. Вплоть до последней трещинки на потолке.

— Ты беременна от меня.

Хриплый голос царапнул мой слух опасными интонациями, и призрачный мираж растаял без следа под давлением суровой реальности.

— Откуда такая уверенность?

— Я навел справки. Хочу поговорить с тобой кое о чем, Настя.

Он снова выделил мое имя. Как будто оно означало что-то особенное или просто звучало привлекательно для его слуха. Не знаю, по какой причине, но это взволновало меня так сильно, что мгновенно вспотели ладошки.

— Прежде чем мы решим важный вопрос, связанный с твоей беременностью, ответь мне на несколько вопросов, Настя.

Он снова расставил акценты, и я начала теряться, тонуть в глубоком хриплом голосе, звучащем как рокот прибора.

— Что ты знаешь о Каримове?

— О ком?!

Я недоуменно вскинула взгляд на лицо мужчины, осмелившись посмотреть прямо. Это было ошибкой. Мужчина мгновенно переместился в мою сторону, сократив расстояние до минимума. Он прижался, надавил тугим, широким корпусом, распластывая меня по сиденью. Жаркое, мужское дыхание с щедрыми нотами табака и кофе разлилось обжигающим теплом по моей коже. Темные глаза казались черными. Он смотрел, не мигая, и повторил почти по слогам:

— Каримов. Как давно ты на него работаешь?!

— Я... не знаю. Не знаю, о ком вы говорите. Я даже вас... не знаю!

Он сдавил пальцами мою шею, лишая возможности дышать легко и свободно.

— Не ври мне, девочка.

— Я не вру!

Голос прозвучал слабо и едва слышно. Из моих глаз покатались слезы, одна из которых скользнула напрямиком на руку мужчины. Он перевел взгляд на прозрачную капельку соленой влаги, сорвавшейся вниз с его руки.

— Не ври мне, — повторил.

Он распрямился и придал телу вертикальное положение. Большие, сильные руки с длинными, крепкими пальцами расслабленно лежали на его коленях. Но я знала, какими сильными они могут быть. Как резко они впиваются в волосы, наматывая их на кулак... Сейчас он дал мне почувствовать их силу, но

не силу мужского обладания женским телом в постели. Он показывал мне губительную силу, которая может убивать.

— Расскажи мне все. Как ты оказалась у меня. Без секретов.

5

Сложив руки на коленях, как примерная ученица, я срывающимся голосом рассказала все, что вспомнила. Иногда делала паузы, пыталась вспомнить как можно больше деталей. Я делала все, чтобы этот пугающий человек поверил: я не хотела оказываться в его постели. *Это было чудовищной ошибкой...*

* * *

Мою жизнь нельзя было назвать беззаботной и легкой. Я из простой семьи. Отец покинул наш семейный очаг давным-давно, когда я была совсем маленькой. Он бросил крохотную дочку и свою жену.

Мама не хотела распространяться о причинах такого поведения отца. Она небрежно отзывалась о нем, как о мечтателе, в то время как нужно было трудиться на благо семьи, чтобы суметь прокормить нас. Но отец ушел, и я осталась у мамы на руках.

На протяжении всей жизни она оставалась одинокой и сама воспитывала меня. У нас были родственники, но все они — такие же простые люди, у которых было море своих проблем, долгов и забот.

Мать-одиночка не такое уж редкое явление. Никому нет особого дела до чужой жизни, поэтому я привыкла к одиночеству и не была очень общительной. Мама как могла, старалась, чтобы я всегда выглядела не хуже своих сверстниц. Мама трудилась посменно в продуктовом магазине, простаивая за прилавком по двенадцать часов. Она была готова

трудиться и никогда не отлынивала от работы, всегда выходила, если сменщица попросила подменить ее в нужные дни.

Но у мамы были больные ноги, страдающие от сильного варикоза. Позднее это переросло в настоящую агонию. В итоге мама не смогла работать сама. Стоять подолгу было тяжело, и мне пришлось работать с раннего возраста.

Выпускной класс в школе запомнился мне не радостно-тревожным обещанием грядущих перемен, а постоянным дежурством у постели мамы. Ее здоровье сильно пошатнулось. Маме становилось все хуже и хуже, поэтому мне приходилось часто пропускать школу. Это не могло не отразиться на моей успеваемости.

В итоге, я «скатилась» вниз по оценкам и о поступлении в университет на бесплатную основу не было и речи. Как бы это ни было прискорбно, я не смогла поступить на бюджет. Может быть, в этом была большая часть моей вины. Мои амбиции, моя гордость и желание вырваться из нищеты подвели меня. Я переоценила свои силы.

Конкурс на бюджетные места был очень высок. Да, я сама виновата. И те, кто прошел, оказались сильнее, достойнее меня. Но как же горько мне тогда было! Словами не передать... Я винила только саму себя, потому что только я была причиной провала. Зря я не выбрала профессию попроще! Тогда у меня было бы больше шансов. Но что толку сожалеть о содеянном. Разумеется, тягостные мысли разъедали мою душу, а нереализованные мечты были частой причиной моих слез.

Но сидеть на месте сложа руки было нельзя. Поэтому я, собрав небольшие накопления, поступила на заочный факультет. Так у меня было больше свободного времени на подработку. Иначе было никак. Забота о больной маме легла на мои плечи. Сначала